

АКАДЕМИЯ НАУК СССР ·
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

В. И. САРИАНИДИ

ДРЕВНИЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ АФГАНИСТАНА

*

Материалы Советско-Афганской экспедиции
1969—1974 гг.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1977

Книга посвящена далекому прошлому Афганистана — III—I тысячелетиям до н. э. В ней рассказывается об археологических открытиях, сделанных Советско-Афганской экспедицией, описываются предметы и памятники материальной культуры (изделия из камня и металла, керамика, архитектурные сооружения и т. п.). Автор пытается воссоздать основные этапы становления и развития хозяйства в эпоху бронзы и раннего железа, а также выявить культурно-исторические связи местного населения с родственными культурами народов советской Средней Азии.

Ответственный редактор

И. Т. КРУГЛИКОВА

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3	Глава III. Афганистан в эпоху раннего железа	
Введение	7	§ 1. Восточнохорасанская культура	107
Глава I. Становление производящего типа хозяйства		§ 2. Монументальная архитектура ахеменидской Бактрии	116
§ 1. Раннеземледельческие общинники Южного Афганистана	12	Глава IV. Афганистан на Древнем Востоке	
§ 2. Расцвет земледельческих общин	15	§ 1. Палеоэкономика и палеодемография	129
§ 3. Становление городской цивилизации	19	§ 2. Семья и общество	132
Глава II. Афганистан в эпоху бронзы		§ 3. Палеоантропология и история этноса	139
§ 1. Памятники эпохи бронзы Давлетабадского оазиса	22	§ 4. Становление городской цивилизации Бактрии	151
§ 2. Памятники эпохи Фарукабадского оазиса	26	Заключение	156
§ 3. Памятники эпохи бронзы Дашлинского оазиса	28	Summary	160
§ 4. Типы памятников, жилищная архитектура	29	Preface	
§ 5. Монументальная архитектура	34	Chapter I. The Formation of a Food-Producing Economy	160
§ 6. Древние захоронения	50	Chapter II. Afghanistan in the Bronze Age	160
§ 7. Керамическое производство	60	Chapter III. Afghanistan in the Early Iron Age	163
§ 8. Металлическое производство	70	Chapter IV. Afghanistan in the Ancient East	165
§ 9. Глиптика	86	Appendix: Selected Radio-Carbon Dates	169
§ 10. Мелкие поделки	101	Список сокращений	170

Когда были открыты блестящие цивилизации Месопотамии и Египта, Ирана и Индии, представлялось, что именно этими древневосточными центрами и ограничивалась колыбель зарождения цивилизации Старого Света. В самом деле, многие десятилетия археологические раскопки в этих районах приносили все новые доказательства такому предположению, а сенсационные находки памятников древнего искусства, казалось, не оставляли никаких надежд на открытие столь высокой культуры в других областях в системе всего древневосточного мира.

Однако интенсивные археологические исследования послевоенного времени резко изменили наши представления о характере становления и путях развития древневосточной цивилизации.

Блестящие открытия англичан в Анатолии поразили научный мир почти фантастическим великолепием высочайшей культуры, существовавшей здесь в VII—VI тысячелетиях до н. э. Многогранное искусство Хаджилара и Чатал-Гююка, начиная от настенных фресок и мелкой скульптуры до разнообразных украшений, еще долго будет являться темой углубленного исследования историков культуры, пытающихся под внешней формой вскрыть глубинные мифологические, эпические и религиозные представления людей, обитавших в Южной Анатолии в эпоху неолита и энеолита.

Не столь блестящие, но не менее сенсационные открытия были сделаны в эти же годы на крайнем юго-западе советской Средней Азии. Здесь, в Южном Туркменистане, на узкой кромке плодородных земель, зажатых с одной стороны скалистыми предгорьями Копет-Дага, а с другой — великой среднеазиатской пустыней

Каракумы, складывается во многом самостоятельный древнеземледельческий центр.

Как установлено, уже в VI тыс. до н. э. плодородные оазисы предгорий Копет-Дага были усеяны неолитическими поселками джейтунской культуры. В ходе многолетних раскопок были определены основные признаки этой вновь открытой археологической культуры и намечено ее место в ряду синхронных культур в системе всего Древнего Востока.

Ярчайшую страницу в характеристику джейтунской культуры внесли выдающиеся открытия, сделанные археологом О. К. Бердыевым на поселении Пессиджик. Как оказалось, здесь в пределах, видимо, столичного поселения находилось здание, резко отличающееся от остальных своими обширными размерами, а главное — наличием стенных полихромных фресок, включающих геометрические, зооморфные и антропоморфные изображения.

Это первое, но, безусловно, не единственное святилище, где стенные панно с охотничьими сценами живо напоминают тематически близкие сюжеты фресок Чатал-Гююка, что выделяет Южную Туркмению в число немногих центров древнейшей культуры мирового значения¹.

Лишь безвременная кончина О. К. Бердыева не позволила ему продолжить столь удачно начатые работы по открытию и исследованию памятников древнейшего искусства на территории СССР. О многогранности научного дарования могут свидетельствовать его плодотворные работы в составе Советско-Афганской археологической экспедиции. Наряду с чисто археологи-

¹ Бердыев О. К. Матерьяльная культура Туркменистана в период неолита и раннего энеолита. — В кн.: Первобытный Туркменистан. — Ашхабад, 1976.

ческими раскопками все свое свободное время он посвящал изучению быта и нравов туркмен, проживающих ныне в Северном Афганистане, результатом чего явилась написанная им историко-этнографическая монография «Девять месяцев в Афганистане».

Данью светлой памяти археолога О. К. Бердыева, столь много сделавшего в области изучения древностей Средней Азии и Афганистана, и является настоящая работа.

Джейтунская культура дала дальнейший толчок бурному развитию древних земледельцев Южного Туркменистана эпохи энеолита и бронзы. Высказано вполне обоснованное мнение о существовании здесь особого южнотуркменского центра. Эта яркая и во многом самобытная «анауская» культура резко расширила ареал распространения древнейших земледельческо-скотоводческих племен далее в восточном направлении. Создавалось парадоксальное впечатление, что в то время как Иран, Туркменистан, индийский субконтинент все более втягивались в орбиту становления и развития раннеземледельческих культур, территория Афганистана оставалась в стороне от этого процесса. Было очевидно, что такое положение соответствовало не реальному положению вещей, а лишь отражало недостаточность наших знаний о начальных этапах становления древнеземледельческих культур этой части Юго-Западной Азии. В самом деле, лишь в 1922 г. правительство Афганистана впервые предоставило европейским археологам право на проведение раскопок на его территории. И уже эти первые полевые исследования французов на юге страны на поселении Нади-Али показали реальную перспективность поисков здесь древних цивилизаций, что позднее было подтверждено работами американских археологов. В результате этих исследований стало очевидным, что Южный Афганистан, по крайней мере в IV тысячелетии, входил в зону распространения древнеземледельческих культур, а возможно, здесь находился один из самостоятельных центров «культур расписной керамики».

И вместе с тем до самого последнего времени из процесса сложения раннеземледельческих культур выпадал Северный Афганистан, где наиболее древние следы оседло-земледельческой культуры (да и то весьма скудные и отрывоч-

ные) относились к середине I тысячелетия до н. э. Однако благодаря работам совместной Советско-Афганской археологической экспедиции удалось установить, что уже во II тысячелетии до н. э. плодородные оазисы древней дельты р. Балх оказались густо заселенными древнеземледельческим населением, которое обнаруживает преимущественные историко-культурные связи не с югом страны, а с древним Хорасаном.

Стало очевидным, что расположенный в глубинах Азии Афганистан занимал промежуточное положение среди находящихся вокруг него оседло-земледельческих культур. Через его территорию проходили и скрещивались культурные линии связей, идущие в самым разных направлениях. В частности, древняя Бактрия являлась той территорией, где достаточно четко прослеживаются культурные веяния, идущие через Восточный и Центральный Иран вплоть до Луристана и в опосредственной форме — до Месопотамии. Эти параллели, порой еще отрывочные и аморфные, документируются монументальной архитектурой, металлическими изделиями (в том числе художественной бронзой), глиптикой Бактрии и дополняются явно импортными предметами месопотамского происхождения.

С другой стороны, хотя и в меньшей степени, но в той же Бактрии эпохи бронзы имеются косвенные данные, свидетельствующие о южных связях, идущих вплоть до городов хараппской цивилизации долины Инда. Пока еще предполагаемые культурно-исторические связи прослеживаются в самой общей форме и конкретный механизм их взаимодействия является делом будущих углубленных исследований. Вместе с тем их характер далеко выходит за рамки существования населения собственно Бактрии и составляет существенную страницу в истории племен Юго-Западной Азии во II тысячелетии до н. э.

Для примера остановимся на одном весьма существенном вопросе, связанном с начальным этапом распространения и сложения оседло-земледельческих племен Северного Афганистана. Можно считать доказанным, что материальная культура Бактрии и Маргианы была единой (если не сказать идентичной), что и дает право выделить бактрийско-маргианский ар-

геологический комплекс. Точно так же можно утверждать, что появление его здесь шло с запада на восток и что древний Хорасан являлся если не центром происхождения, то той областью, через которую шла магистральная линия расселения.

С другой стороны, вполне определенные и характерные категории вещей, такие как бронзовые туалетные флаконы и булавки, топоры-тесла с выступающей втулкой, зеркала и металлические сосуды и в особенности печати особого «чанхударовского» типа практически в это же время, помимо Бактрии, появляются в постхараппской культуре Джукхар. Если добавить, что в долине Инда вместе с распространением этих категорий изделий по существу полностью исчезают антропоморфная пластика и печати собственно «хараппского типа», то станет вполне осязаемой реальностью взаимосвязь этих явлений. В самом деле, при всей спорности происхождения культуры Джукхар отмеченные соответствия в изделиях бронзы и глиптики с Бактрией еще не дают права заключить об их прямой связи. Помимо северного пути проникновения подобных изделий, существовал, возможно, и южный. Доказательством этого могут служить хотя и скудные, но весьма показательные материалы Белуджистана (зеркало с антропоморфной ручкой) и в особенности инвентарь одной из могил в Мехи, почти полностью копирующий набор погребальных приношений Бактрии. Все еще слабая изученность памятников Южного Ирана препятствует более аргументированному доказательству существования наряду с северным южного пути расселения, но оставляет вполне вероятным предположение об общем для них западном центре происхождения.

Важность поднятых проблем усиливается еще и тем, что рассматриваемые исторические события падают на середину II тысячелетия до н. э., время, с которым специалисты связывают расселение индоиранских племен.

Нет никаких прямых данных, позволяющих связать эти события исключительно с Бактрией, но и нет оснований полностью исключать ее участие в предполагаемых событиях. Косвенным свидетельством тому могут служить виллообразные бронзовые изделия Бактрии, находящие точные соответствия в майкопской

культуре Кавказа и более пока нигде в системе Передней Азии, неизвестные. Не на кавказский ли путь продвижения индоиранцев намекают эти фактические данные, тем более что длинные вилы Сялка (аналогичные таким же из Бактрии) территориально занимают промежуточное место между этими двумя обширными регионами Передней Азии?

С другой стороны, новейшие материалы этой древней страны не только решительно противостоят «среднеазиатскому пути» арийского продвижения, но и ставят проблему взаимоотношения степных и оседло-земледельческих племен на новую ступень их исследования. Не вдаваясь в детали всей проблемы в целом, отметим, что стоянки с керамикой андроновского типа известны теперь не только в непосредственном соседстве с земледельческими оазисами Маргианы, но и Бактрии, однако пока ничто не указывает на их повсеместное взаимное противоборство. И наоборот, так называемая «культура заманбаба» в низовьях р. Зеравшан может рассматриваться как продвижение на север (в поисках новых земель?) оседло-земледельческих племен Бактрии, которые в конечном счете оказались ассимилированными в среде местных степных племен. Очевидно, что и этот вопрос — объект будущих углубленных исследований, новый аспект старой проблемы взаимоотношения степных и земледельческих племен в середине — второй половине II тысячелетия до н. э.

Наконец, новейшие фактические данные выделяют Бактрию в один из немногих центров, где интеллектуальное развитие местного общества достигло чрезвычайно высокого для своего времени развития. Для примера остановимся лишь на одной группе находок, глиптике, в особенности на каменных печатях-амулетах, гравированные рисунки которых в ряде случаев имеют тематическое значение. Уже предварительное рассмотрение показывает, что основная семантическая нагрузка их выражена в противопоставлении, в борьбе положительных (мирные животные, люди, птицы) и резко отрицательных (драконы, чудища) персонажей. Имеется много вариаций на эту основную идею, по существу отражающую борьбу добра и зла, тьмы и света, т. е. в конечном счете ту этно-религиозную систему, которая получит свое

законченное оформление в учении Зороастра. Нет никаких оснований с ненужной поспешностью возводить Бактрию в родину Зороастра, но есть все данные предполагать существование здесь развитых сложных мифологических воззрений, основанных на противоборстве положительного и отрицательного начал, что в переработанном виде могло затем войти в философскую концепцию основоположника новой религии. И, может быть, не случайно из той же Бактрии происходит металлический амулет с изображением (помимо дерева и птиц) верблюда и младенца, возможно отражая эпическую традицию, согласно которой проповедник новой религиозной системы в юности был погонщиком верблюдов, что как будто находит свое отражение в этимологии имени Зороастра.

Сказанного достаточно, чтобы оценить все значение новых прямых археологических фактов, полученных в ходе экспедиционных работ в Бактрии. Настоящая монография представляет собой не более как первичную обработку всего известного материала и по существу является лишь началом будущих углубленных исследований на эту тему. Потребуется многие десятилетия и усилия многих специалистов, чтобы заглянуть в духовный мир бактрийцев, окутанный тьмой бесписьменной истории, но залогом будущих блестящих открытий уже сейчас являются богатейшие коллекции разнообразных памятников древнего искусства, в которых в зашифрованном виде отразились их сложные представления об окружающем и потустороннем мире. И уже сейчас можно утверж-

дать со всей определенностью, что древнейшая Бактрия составляла не периферию, а самостоятельный, оригинальный центр древневосточного мира, являясь ареной многих исторических событий, захвативших Юго-Западную Азию во II—I тысячелетиях до н. э.

Точно так же можно не сомневаться, что эта работа не могла бы быть подготовлена в настоящем виде, если бы автору не оказывалась повседневная помощь со стороны всех сотрудников Советско-Афганской экспедиции. В разные годы, но с одинаковой энергией и энтузиазмом в работах отряда по изучению первобытных памятников с советской стороны принимали участие С. А. Панарин, В. С. Долгоруков и Т. Х. Ходжаниязов, а с афганской — А. Х. Азами, которым автор приносит самую искреннюю благодарность.

Разграбление сотен, если не тысяч могил Бактрии эпохи бронзы привело к тому, что наиболее выдающиеся изделия тореvтики, глиптики, ювелирного дела, некогда входившие в состав погребальных приношений, попали в антикварные лавки Кабула и осели в частных коллекциях Европы, Азии и Америки. Вместе с тем благодаря любезности кабульских антикваров и особенно Джалала Рахмати, Гафура Гуляма, Абдул-Шукура удалось снять пленки, сделать зарисовки и фотографии многих вещей, ныне безвозвратно потерянных для науки. Всех этих антикваров автор также благодарит за понимание и содействие в учете, регистрации и первичной фиксации памятников искусства древнейшей Бактрии.

ВВЕДЕНИЕ

До работ Советско-Афганской археологической экспедиции (САЭ) древние памятники Северного Афганистана были изучены в археологическом отношении весьма неравномерно. С одной стороны, в горах Гиндукуша были открыты памятники палеолитического времени, а с другой — на Бактрийской равнине блестящая городская цивилизация античного периода. С целью заполнения этого досадного пробела специальный отряд САЭ с первых же лет своих полевых работ приступил к поискам древних памятников промежуточного периода. В результате на левобережье Амударьи были открыты ранее совершенно неизвестные памятники каменного века (мезолит—неолит), а на аллювиальной Бактрийской равнине — оседло-земледельческие поселения эпохи бронзы.

Отдельные местонахождения и стоянки каменного века в контактной зоне песков и такыров левобережья Амударьи пока еще сравнительно немногочисленны, но представляют для истории науки исключительный интерес.

Думается, что где-то в конце мезолитической эпохи обитатели скальных навесов и пещер северных предгорий Гиндукуша наряду с охотой уже делают первые опыты по занятию примитивным земледелием, свидетельством чего могут являться каменные мотыги. Дикие, а возможно уже частично окультуренные, злаки могли срезаться кремневыми пластинами и затем обмолачивались на каменных зернотерках. Прирученные овца и коза дополняли потребности в мясе, добываемом еще в основном охотой. Казалось бы, налицо все основные предпосылки перехода к оседло-земледельческому способу хозяйства, однако поселения такого типа до сих пор в пределах Северного Афганистана неизвестны. Можно думать, что они еще будут открыты в будущем, однако не исключено и другое предположение, связанное с неблагоприятными экологическими условиями для сложения древнеземледельческого хозяйства.

Хотя со времен Н. И. Вавилова и Д. Д. Бу-

кинича в науке твердо установилось мнение о чрезвычайном разнообразии видов пшеницы в Афганистане, оба автора неоднократно подчеркивали, что основной центр сортового богатства мягкой пшеницы находился в Юго-Восточном Афганистане, где, кстати, были найдены и настоящие родоначальники культурной ржи¹. Более того, оба автора после своей экспедиции в Афганистан прямо указывали, что на Бактрийской равнине отсутствуют географические элементы, необходимые для создания оседлой земледельческой культуры, сколь угодно аналогичной культурам Месопотамии, Египта, Индии. И, наконец, показателен их основной вывод: «Следов интенсивной оседлой высокой культуры, равноценной или хотя бы сходной с великими цивилизациями древности, здесь не удалось найти и, как нам представляется, никогда и не удастся»².

В самом деле, предгорные увалы Северного Афганистана представляют собой слоистые почвы с включением гальки, покрытые большим количеством щебня с гор. Они малоприспособлены для земледелия, так что и сейчас основным типом хозяйства здесь является полуседлое скотоводство. Отметим также, что отсутствие ледников служит причиной плохой естественной регуляции водного режима рек, зависящих лишь от метеорологических условий, когда, например, малое количество выпавшего снега приводит к иссяканию рек. Горные ручьи и весенние паводки увлекают за собой такое большое количество камня, гальки и щебня, что предгорья и поныне трудны для освоения их под земледелие, так что древний человек поры мезолита, спускаясь с гор, вынужден был не останавливаться в предгорьях, а углубиться дальше в приамударьинские тугай, изобиловавшие дикими животными и рыбой.

¹ Вавилов Н. И. и Букиннич Д. Д. Земледельческий Афганистан. М., 1959, с. 50.

² Там же, с. 102.

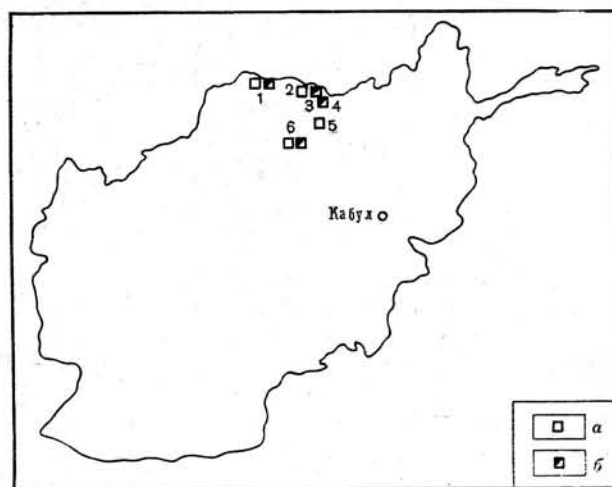
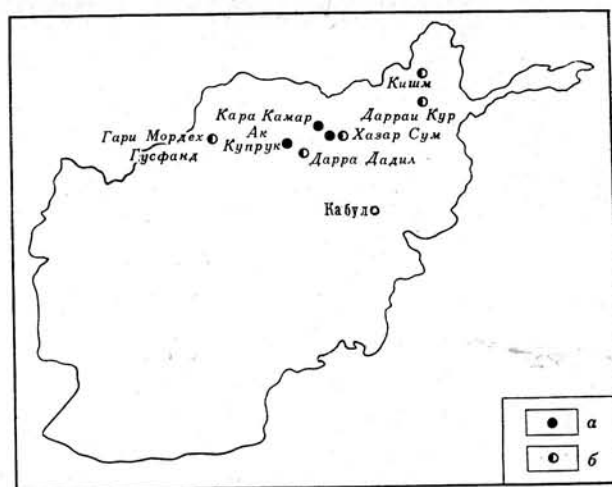

Рис. 1. Схема распространения памятников среднего (а) и верхнего (б) палеолита

В свете сказанного принципиально важного интереса заслуживает открытие Советско-Афганской экспедицией на левобережье р. Амударьи памятников каменного века.

Так, помимо Келифта, единичные кремневые изделия типа удлиненных пластин, концевые скребки, карандашевидные нуклеусы встречаются в урочище Уч-Тепе, к северу от г. Мазари-Шариф; среди них выделяются пластины с боковой выемкой и двусторонней ретушью. Среди единичных находок выделяется пластина с боковой выемкой, видимо, служившая скобелем. С обратной стороны пластина обработана двусторонней ретушью по обоим краям.

Более выразительная коллекция получена была в контактной зоне песков и такыров у дороги, идущей от Ташгузара к Мазари-Шарифу, в 1 км к северу от античного города Топрак-Кала. Это пустыня с песчаными барханами сиреневого цвета, достигающими 2—3 м высоты, с множеством мелкой гальки и речных окаменелых раковин. Местами высятся глинистые останцы, чередующиеся с барханами. Здесь, на выдувах, среди межбарханных гряд были выявлены единичные кремневые изделия, в том числе массивные одноплощадные карандашевидные нуклеусы, много необработанных пластин, отщепов. Среди этой коллекции выделяются несколько орудий, заслуживающих особого рассмотрения,³ в частности пластина со струганой спинкой, с крутой краевой ретушью, что придало орудию сегментовидную форму. Это геометрическое орудие, возможно вкладыш, может быть отнесено к мезолиту.

Найден также обломок острия на пожевидной пластине с крутой, противоположной ретушью. Само острие выделено сверху со стороны брюшка, что придало орудию характерный скос. Снизу, на острие, ретушь нанесена со спинки. Скос придает орудию общую геометрическую конфигурацию, что может указывать на принадлежность его к мезолитической эпохе.

Наконец, имеется пластинка с краевой ретушью, обработанная со стороны спинки крутой мелкой ретушью. Следы сильной сглаженности на ретуши, возможно, указывают, что это нож или вкладыш. Остается добавить, что орудия изготовлены из высококачественного кремня.

Описанная коллекция, по-видимому, относящаяся к позднемезолитическому времени, фиксирует довольно раннее время обживания человеком приамударьинских песков, причем сами орудия указывают на занятие не только охотой (и, возможно, рыболовством), но и, по-видимому, сезонным, примитивным земледелием.

Следующие местонахождения каменного века отмечены по дороге на порт Хайратон в контактной зоне, где такыры сменяются песчаными барханами. Здесь среди барханов, на выдувах, находится развеечная стоянка, усыпанная кремневыми отщепами и отдельными кремневыми орудиями, среди которых выделяются крупные пластины и скребки, в том числе концевые.

Следующий пункт кремневых местонаждений отмечен посередине автодороги между г. Мазари-Шариф и г. Ташкуртан, в северной части Наибабадского оазиса. Всего здесь выявлено три стоянки, из которых наибабадская стоянка 1 располагается на песчаном выдуве, где в радиусе 30 м прослеживается «пятно» россыпи кремневых отщепов и орудий. Последние в основном состоят из крупных плас-

³ Материал просмотрен В. Ф. Старковым, за что приношу ему благодарность.

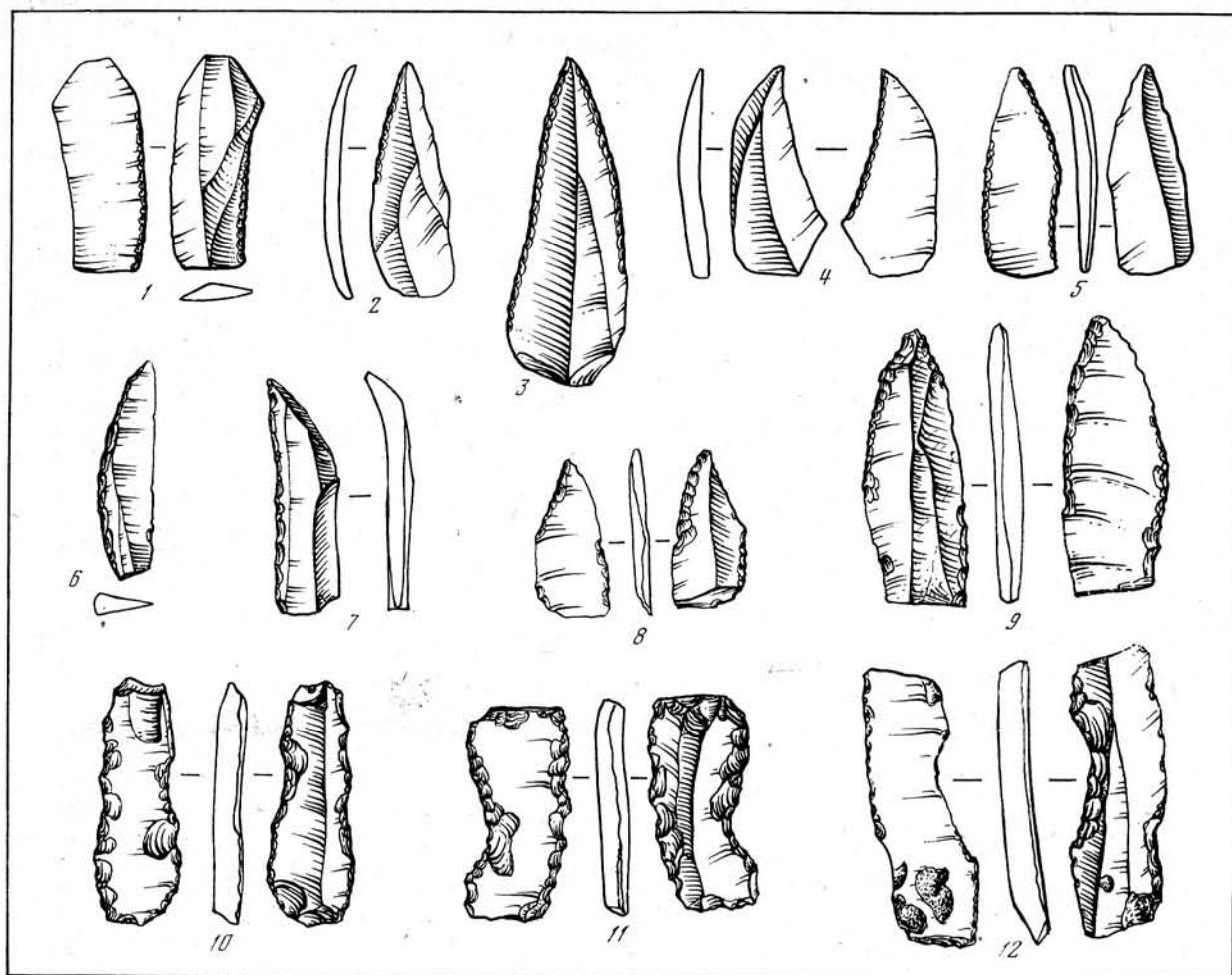

Рис. 2. Каменные орудия приамударьинской неолитической культуры Сиах Риган (1—5), Ташгузар (6—9), Уч-Тепе (10—11), Наибабад-2 (12)

тин, иногда с ретушью, и в меньшей степени — из концевых скребков. Встречены кремневые ядрища, нуклеусы, в том числе карандашевидные.

Наибабадская стоянка 2 располагается в 3—4 км от вышеописанной, на песчаном бугре. Встречены единичные отщепы и пластины из кремня.

Наибабадская стоянка 3 располагается в 4,5 км к северу от асфальтового шоссе, среди выдувов первой песчаной гряды. Здесь в радиусе 30—40 м находится «пятно», сплошь усыпанное кремневыми отщепами, нуклеусами, крупными, изредка ретушированными пластинами и в меньшей степени — концевыми скребками. Выделяются пластины с крутой пильчатой ретушью, возможно, служившие вкладышами от серпов. Кроме того, встречено два фрагмента керамики гончарной лепки, сильно окатанных. Если отметить, что близкие по

форме пластины встречены на рядом расположенных оседло-земледельческих поселениях типа Наибабад 1, относящихся к первым векам I тысячелетия до н. э., то можно допустить позднюю датировку и этого материала. Думается, что стоянки Наибабад 1—3 относятся к пост-неолитическому времени, когда вчерашние охотники, рыболовы и собиратели входят в контакт с традиционно земледельческим населением.

Сразу же отметим, что в 1,5 км от современного селения Наибабад, у самых гор имеется урочище Сангалаг, где отмечено огромное скопление валунов и кремневых галек. Местные жители хорошо знают свойство этого камня, называют его чекмак, т. е. кресало, и до сих пор используют его в быту. Очевидно, что в конкретном районе, при редкости металла, кремнь широко использовался с древнейших времен почти до современности, заменяя в определенной степени металлические орудия.

В 15 км к северо-северо-западу от г. Ташкурған находится урочище Сиах-Риган (Черные пески), где опять-таки в контактной зоне

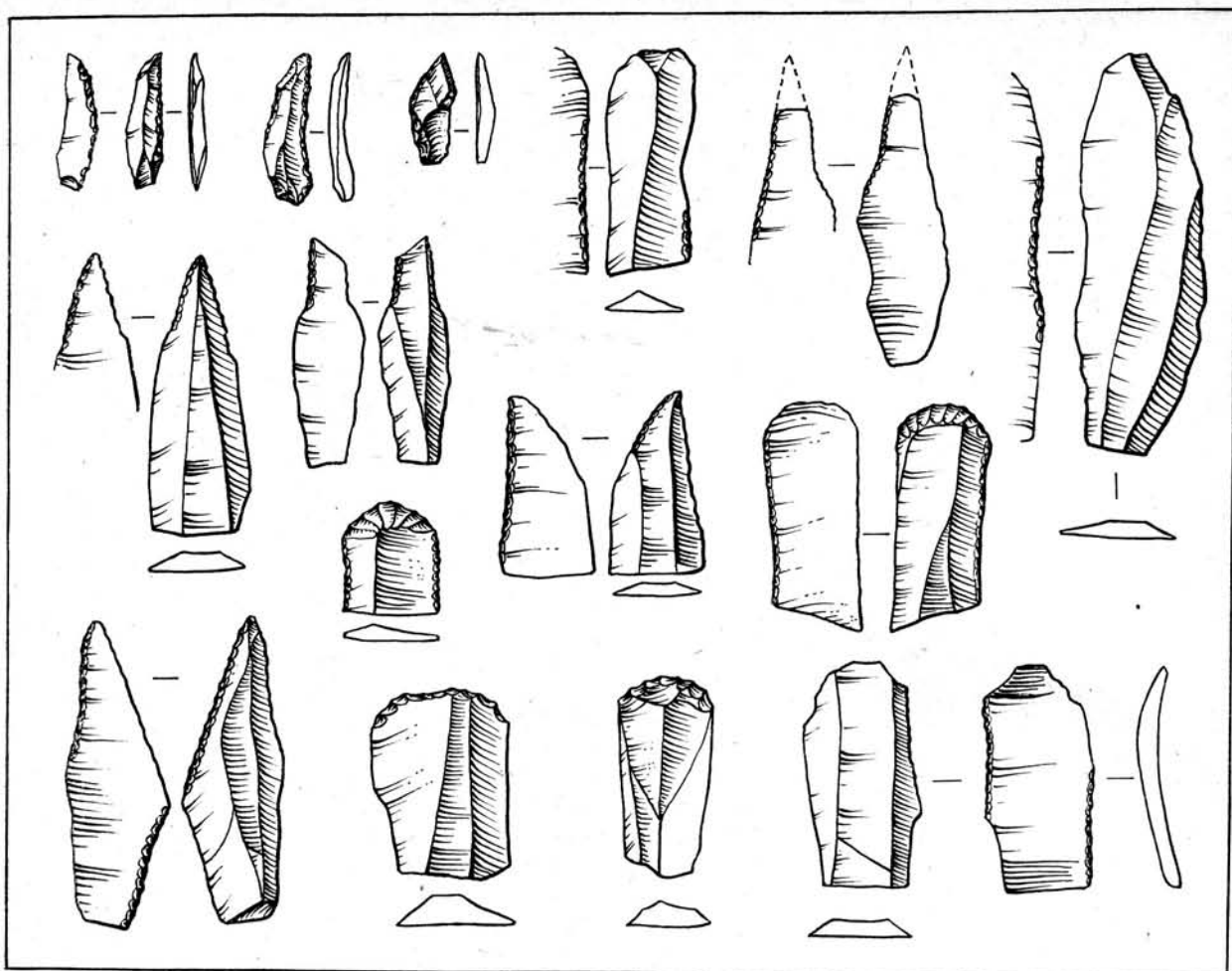

Рис. 3. Сиах Риган. Кремневый инвентарь стоянки

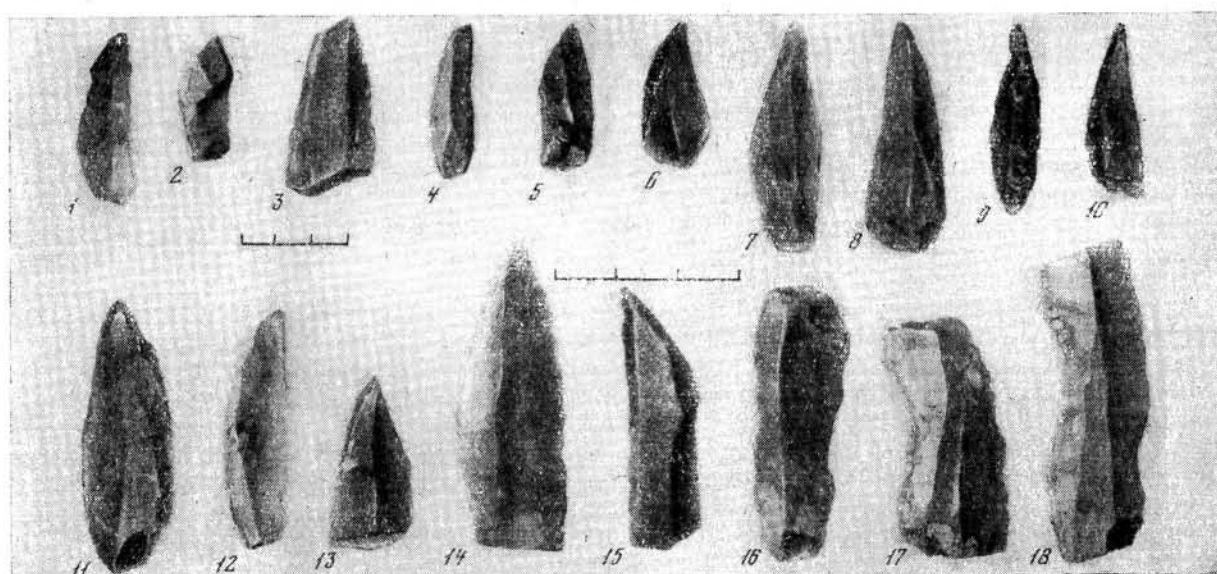

Рис. 4. Кремневые орудия. Сиах Риган (1—11). Ташгузар (12—15), Уч-Тепе (16—17), Наибабад-2 (18)

песков и такыров встречены единичные, изолированные кремневые изделия. Орудия представлены в основном пластинами с краевой ретушью; имеются также острия или проколки, возможно сверла, концевые скребки. Характерная особенность орудий заключается в технике обработки противоположащей ретушью (со спины и брюшка), напоминающей аналогичный прием в обработке орудий тапгузарского поиска. На этом стыке начинается первая гряда сыпучих барханов темно-сиреневого цвета (столь характерных для левобережья р. Амударьи), перед которой в широтном направлении тянется глубокая промоина (или сезонное русло), на берегу которой на месте песчаного выдува обнаружена развеенная стоянка площадью 3×2 м, сплошь усыпанная кремневыми отщепами, нуклеусами, орудиями.

Всего собрано свыше 60 орудий, изготовленных из высококачественного кремня коричневатого цвета. Обращают на себя внимание концевые скребки с крутой ретушью, проколки, острия и пластины, нередко с противоположащей ретушью. Большинство орудий представлено крупными ножами, которые могли использоваться для очистки и потрошения рыб. Вместе с тем отдельные изделия могли использоваться в качестве наконечников стрел, как,

например, обломок миниатюрного наконечника с боковой выемкой кельтеминарского облика. Думается, что это стоянка неолитического времени, оставленная охотниками и рыболовами, возможно занимавшимися и примитивным земледелием. Осталось добавить, что на такырах, прилежащих к барханам, наряду с единичными кремневыми изделиями, безусловно находящимися в переотложенном состоянии, встречены мелкие фрагменты окатанной гончарной керамики, скорее всего относящейся к античному городищу Койна-Кала, расположенному в 2 км от первой песчаной гряды.

Последний и наиболее восточный пункт, возможно, фиксируется отдельными кремневыми отщепами, встреченными в 30 км к востоку от г. Ташкуртан, в непосредственной близости от позднесредневекового караван-сарая Абдали Себаглы.

Как видно, левобережье Амударьи от г. Андохя вдоль Келифта и до г. Ташкуртан на расстоянии около 150 км было интенсивно, если не повсеместно, заселено человеком каменного века. Судя по имеющимся данным, обживание бассейна относится по крайней мере к позднемезолитическому времени, но наиболее полно расцветает здесь жизнь в неолитическую эпоху, доживая до постнеолитического времени.